Женщина не вскрикнула, только громко ахнула и замерла. Баки уставился на шерстяной подол её тёплой юбки. Склонив голову, как перед госпожой, протянул ей зайца.

Женщина громко позвала кого-то, видимо, своего мужчину. Язык Баки понимал через слово, многое было похоже на его, но многое и отличалось. Он собирался молчать, объясняясь жестами.

— Кто ты? Что тебе тут надо? Эй, ты!

Баки поднялся и снова без слов протянул выбежавшему из дома мужчине тушку зайца. Промычал, указал глазами на большой глиняный горшок в руках женщины. От него поднимался тёплый пар. Козье молоко.

— Молока ему, что ли? Обменять пришёл?

Женщину он понимал, но не смог бы объясниться так же хорошо, как выходило у друида на его языке. Только закивал.

— Смотри-ка, однорукий он. Отолью я ему молока, нам хватит. Принеси старый глиняный горшок, под лавкой вчера стоял.

Баки наблюдал, как мужчина, глухо поругиваясь, принёс небольшой тёмно-коричневый горшок со сколом на ободке. Как грубо выхватил зайца из руки, как придирчиво осмотрел тушку и даже обнюхал её. Женщина меж тем перелила ему молоко, чуть расплескав. Баки до слёз было жалко этих капель. Сокровище, затерявшееся в снегу. Если бы мог, Баки зачерпнул бы этот снег и отправил в рот горстью.

— Держи. И уходи, откуда пришёл.

Баки протянул руку, осторожно обхватил и прижал к себе тёплый глиняный бок горшка с молоком. Кивнул с благодарностью, и принялся отступать спиной в сторону леса — до тех пор, пока женщина и мужчина не скрылись с его глаз в доме. Они ещё не знали, что Баки будет приходить сюда каждый день, выменивать у них молоко на то, что будет добывать охотой. На птицу или животных. И только одно его радовало — если завтра его не прогонят, то на другой день уже привыкнут. И даже будут ждать его прихода. Таков человек — поборов страх, начинает искать выгоды, подстраиваться под предложенные варианты.

Лишь бы у козы не переводилось молоко.

Он вернулся к берлоге, когда солнце уже поднялось над краем земли и светило чуть ниже резных макушек деревьев. Пробрался внутрь, поддев шкуру головой, и осторожно, чтобы не расплескать, поставил остывшее молоко к очагу. Друид лежал так, как Баки его оставил. Даже не ворочался в своём болезненном сне. Сейчас дыхание его казалось глубже и ровнее, и

зрачки под веками не бегали. Баки позволил себе расслабиться на миг, а потом, потрогав кожу щёк и лба, выругался. Друид был горячим.

Сразу вспомнились ведьмины указания. Баки они казались грязными и странными, но он даже не помышлял перечить. Разделся и лёг на свою шкуру, начиная трогать вялый член. Искоса, через огонь поглядывал на друида. А потом зажмурился — и дал волю своему зверю. Тот представлял мальчишку у озера, когда он мылся, и вспоминал каждую выпирающую косточку, каждую синюю вену, проглядывавшую под тонкой кожей. Маленькую тощую задницу, которую однажды — зверь внутри него не сомневался в этом — Баки сомнёт своей широкой ладонью. Потемневший от воды ёршик волос на затылке, длинную худую шею. Друид весь был словно создан для того, чтобы Баки однажды его сожрал целиком.

Мысли эти вместе с мелькающими картинками быстро вытолкнули его за край, и он излился в руку, добавляя к запаху горящего очага, трав и волчьих шкур свой тяжёлый, солоноватый запах.

Едва отдышавшись, Баки перевернулся на бок. Потянулся к горшку, стряс оставшееся между пальцами семя в молоко. Скривился от зрелища, достал из валяющихся ножен нож, крепко зажал его бёдрами и ловко взрезал кожу повыше запястья. Боль была короткая, совсем несерьёзная по сравнению со всем, что он уже испытал на своём веку. Струйка потекла к локтю, и Баки вытянул руку над горшком, дожидаясь, пока в молоко скатятся несколько капель. Не забыл он и про мешочек, лежавший на шкуре. Ведьмина трава пахла горько, едко, но раз ведьма сказала — он сделает. Баки всыпал в молоко щепоть, достал деревянную ложку и принялся перемешивать, стараясь глядеть в огонь, а не внутрь горшка.

Друид тоже добавил проблем. Не хотел открывать рот, словно губы у него спеклись. Баки долго бился — держать рот и вливать в него странное пойло не получалось с одной рукой. И он, зло ругнувшись, наклонился к друиду, оттянул ему челюсть вниз и прорычал в самое ухо:

— Если не хочешь сдохнуть, пей. Пей, иначе я сам тебя вытащу в лес и оставлю на снегу, чтобы перестал мучить нас обоих.

То ли рычание помогло, Баки не знал, но рот с потрескавшимися губами остался приоткрытым — и Баки влил в него несколько ложек ведьминоного молока. Друид едва заметно морщился, однако делал глоток за глотком. Закончив, Баки с чувством невыносимой усталости лёг рядом с ним, обнял рукой поперёк шкур. Несложные действия лишили сил, но Баки подумал — если они перешли Стиву, то пускай. Главное, чтобы он вернулся, наконец. Вернулся оттуда, откуда обычные люди не возвращаются.

Баки лежал, слушал тихое сиплое дыхание друида под боком, смотрел на плясавшие по сводам землянки красные всполохи и думал, на сколько его хватит? И если хватит, всё же, то что будет дальше?

Никто не мог ему ответить. Баки повернулся, уткнулся носом в сухие, пахнущие волчьей шерстью волосы друида и задремал ненадолго. У него было так много дел впереди:

заканчивались дрова, и пора было сходить на охоту. Кормить столько человек да ещё выменивать дичь на молоко было тяжело. Ещё ему нужно было поесть и вымочить грязные тряпки в подтаявшем снегу. Наверное, только эта круговерть забот и держала его на земле крепко, как молодое дерево держится за жизнь корнями. Баки вздохнул, тронул губами мягкую щёку и с облегчением почувствовал, как уходит из друида жар.

<http://erolate.com/book/3459/83629>